

мянutoй нами брошюрѣ онъ замѣчаетъ, что «искусство имѣетъ дѣло не съ исключительными явленіями, а съ явленіями типичными, характерными для данной среды» (54). А въ его же статьѣ, напечатанной позднѣе въ «Русскомъ Богатствѣ» (1883, №№ 5—6, *Искусство и тенденціозность*), авторъ заявляетъ, что «типичность явленій не есть особенность въ художественномъ смыслѣ». Но у г. Оболенскаго мы встрѣчаемъ серьезную попытку выйти изъ узкихъ рамокъ утилитаризма, освободиться отъ его изушающей догматики.

Простѣйшія свойства нервной системы, отъ которыхъ сложилось чувство красоты,—говоритъ онъ,—предшествовали мысли и разсчету, какъ дѣятельности болѣе сложной головного мозга. Затѣмъ, подъ вліяніемъ опыта, обнаружилось, «что въ чувствѣ красоты есть многое, что дѣйствуетъ губительно на жизнь индивидуума». Въ заключеніе г. Оболенскій находитъ, что «чувство красоты можетъ совпадать и не совпадать съ потребностями самосохраненія и наилучшаго приспособленія; оно можетъ быть вредно; но тѣ свойства нервовъ, которыми оно обусловлено, вездѣ, гдѣ только можно замѣтить ихъ дѣятельность, двигали впередъ существующія формы» ¹⁾. Цѣль искусства, по мнѣнію г. Оболенскаго, заключается въ томъ, чтобы «воспроизвести синтетическую эмоцію, передать намъ типично общечеловѣческую эмоцію отъ явленій» ²⁾.

Эта послѣдняя мысль (не новая) ³⁾ требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ. «Художественная эмоція, это сама человѣчность, любовь къ человѣку, а моральная эмоція, это,—утверждаетъ г. Оболенскій,—приговоръ аскета, которому нѣтъ дѣла до живого человѣка, до условій его жизни, до его слабостей». Если стать на точку зрѣнія нашего автора, то придется считать истинною областью нравственныхъ волненій область волненій эстетическихъ. Но кто же согласится признать въ великомъ приговорѣ: кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый броситъ въ нее камень!—приговоръ аскета? Развѣ заповѣдь любить ближняго, какъ самого себя,

¹⁾ Физіол. объясн., 81, 82, 84—85.

²⁾ Названная статья въ „Русск. Богатствѣ“.

³⁾ См. у г. Троицкаго: Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи, 1869. „Единственный признакъ, дающій прекраснымъ предметамъ право называться прекрасными, есть именно то духовное волненіе, какое мы называемъ эстетическимъ или чувствомъ красоты“ (213). „Классъ красоты есть дѣло ума; позднѣйшее обобщеніе частныхъ эстетическихъ волненій, которымъ чувствуемое сходство не препятствуетъ оставаться съ ихъ частными разнициами,—не мѣшаетъ красота отличаться отъ красоты“ (215). Ср. изложеніе ученій Стюарта, Рида, Брауна и др. въ этомъ же сочиненіи.